

РОЛЬ КУРИЦЫ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

(рассказ)

Из пучины предыдущей жизни я вынырнул, держа в руке прекрасный восточный сосуд. «Слушайся и повинуйся!» – услышал я, распечатав сосуд и выпустив вьющийся кольцами дым, принявший облик черноокой гурии из мусульманского рая. И я послушался и повиновался, женившись на ней, почти не рассчитывая когда-нибудь привести ее к повиновению.

«Я тоже не целую в губы», – сказала, играя, моя жена Софа, когда я облобызал ее шею, и я понял, что мне суждено играть роль жидкости, готовой принять форму любого сосуда, или огня, мерцающего в сосуде. И так я играл долгое время, роясь в остатках вчерашнего литературного дерьма и подкрепляя им свои импровизации, пока не влюбился. Для жены же вовсе не составляло труда говорить стихотворным языком влюбленных из Арабских ночей. И, путаясь в тонких смыслах стихов и бретельках ее ночной рубашки, можно сказать, ощупью, я приближался к познанию девы сосуда. «Как мне стыдно!» – воскликнула жена, закрывая лицо руками, и стыд ее разгорался вместе с моей страстью.

Наутро Софа рассказала мне о своих предыдущих мужьях. В прошлом тысячелетии, когда Софа была обыкновенной пионервожатой из средней школы, на нее обратил внимание ее первый муж Виктор, лектор из общества «Знание». Виктор страдал от своего интеллектуального двоемыслия, и после каждой лекции о международном положении ему приходилось восстанавливать свой внутренний баланс, и для этого он прикладывался и выражался. Лектор пытался уравновесиваться также с помощью рукоприкладства, однако с первого же раза немедленно получил от Софы по рогам, а затем и самые рога, что, конечно, тоже было обидно. Обижаясь, лектор всегда лез в бутылку, а однажды в состоянии сильнейшего опьянения умудрился (как раз перед тем, как отключиться) загнать

Софу в плетеную бутылку из-под болгарского сухого вина. Так бедная девушка превратилась в джинна с женским обликом. Возможно, даже остатки паров этого проклятого Каберне причинили ущерб ее психическому здоровью. «Именно тогда я стала открытой для зла, – рассказывала она, – и я поклялась: кто влюбится в меня, станет меня недостойным и будет смотреть на меня снизу вверх».

Эта некорректно сформулированная клятва имела странные последствия, поскольку Николай Николаевич, второй муж моей жены, профессор, специалист по вымершим цивилизациям, принимал все слишком буквально. Чтобы смотреть на Софу снизу вверх, ему приходилось быть в буквальном смысле внизу, что было неудобно, учитывая его строение. Считая свою жену птицей высокого полета, он смотрел на нее именно снизу вверх, и поэтому, не считая себя равней, он все пробавлялся в своем низу какими-то чужими женами. Видимо, так проявлялся какой-то фрейдистский комплекс. Станным было то, что этими женами профессор любил заниматься где-нибудь в палисаднике с видом на балкон своей квартиры и, наслаждаясь чужой близостью, он был близок также к своей жене, мечтая о ней и вслух называя ее по имени, упоенно взирая на свой шестой этаж. Конечно, «джинна» знала об этом и, видя его глаза, обращенные к ней сквозь колючки шиповника, тихо скорбела о нем. Его членство в партии должно было удержать его в каких-то рамках приличия, однако, не удержало, в результате Николай Николаевич членства лишился. Пришлось Софочке даже колдануть, чтобы партия вернула этому бывшему члену свое широкое лоно.

Сделав доброе дело, Софа закупорилась в свое плетеное узилище и сиганула на дно. «Прошло 1000 лет, и я поклялась: кто влюбится в меня, испытает унижение», – рассказывала Софа. Ее третий муж, Серж, студент юридического факультета, будучи не в состоянии дождаться 2-тысячного года, работал дворником, имея в виду через десять лет получить ведомственную квартиру в свое полное распоряжение. И так же, как и я, со дна помойки жизни он выудил чудесный, наполненный Софой, сосуд. Студенту, казалось бы, улыбнулось счастье, ведь найденная тара превратилась в роскошный терем, замаскированный в виде типовой квартиры под крышей небоскреба в переулке старого города. Однако он не знал о клятве, в соответствии с которой дева сосуда обращалась с ним совершенно по-свински. Чрезвычайно ласковая с ним в присутствии третьих лиц, оставаясь с ним наедине, она превращалась в фурию с феминистским духом, и, хотя в интимном плане кое-что позволяла себе (иногда даже все), ему же не позволялось ничего. Вероятно, тактические успехи сильного пола имели

место, но слишком серьезный характер мешал правоведам закреплять их в стратегическом плане, и каждый раз победа над феминисткой заканчивалась тем, что Софа говорила: "Этого не было и быть не могло, больше ты ко мне не подойдешь, если дорожишь своей мечтой».

В этих словах заключалась семантическая загадка, так как мечтой жизни Сержа было получение жилья. Правовед переживал, потому что, во-первых, его супружество с женой-колдуньей выглядело сомнительным в глазах закона, тем более, что прописки у него не было, да и быть не могло, ведь нельзя же прописаться в квартире, которая нигде не числится, с другой стороны, быть квартирантом в доме своей жены тоже было чем-то странным с точки зрения формы. Из всех чудес на свете Серж добивался от Софы только одного: чтобы чудесный восточный дворец, в котором он воцарился, оказался бы на балансе какого-нибудь ЖЭУ и чтобы он мог ходить к управдому с разными жалобами. Этого чуда он пытался добиться любовью, домогаясь в ответ Софиных милостей подлейшим образом, попрошайничая, унижаясь и радуясь своему унижению. Со временем он отказался от языка как средства коммуникации ради общения более полнокровного. Кончилось все курьезно. Однажды Серж предательски залез к Софе под одеяло во время ее сна и уже готов был зареветь от полноты чувств, как вдруг Софа проснулась и сбросила его с себя, презрительно бросив: «Осел!» Серж ничего не мог говорить, только жалобно ревел, превращаясь в осла.

Разумеется, став четвероногим, он не мог претендовать на роль мужа, и его пришлось с сожалением отпустить. Софа рассказывала мне о своем приключении, как бы заново все переживая. "Мне жаль, что я поступила так с Сержем, – говорила она, – как ты думаешь, любит ли он меня, думает ли обо мне?»

Странно было видеть в этой покорной наложнице, какой она была в постели, несносную придиру-Мальвину, воспитывающую повзрослевшего Буратино. За столом она любила говорить: «Ешь аккуратно, не пачкай скатерть», а я, как нарочно, комплексуя из-за своих застольных манер, везде оставлял пятна. Если я бывал особенно неловок, например, разбивал люстру головой, у жены вырывалось: «Я так и знала! Удивительно, какой ты можешь быть грациозный слон!» Боясь повторить судьбу несчастного правоведа, я пропускал «слона» мимо ушей, и тогда она говорила: «Что же ты молчишь? Мне скучно. Скажи, о чем ты думаешь?» Через некоторое время Софа бросалась мне в объятия со словами: «Милый, я схожу с ума по тебе. Если ты не возьмешь меня сей же час, мой воин,

между нами будет все кончено». И, конечно же, я брал ее, иногда прямо под кухонным столом, и мой сосуд любви раскрывался мне, и гасло электричество, опускалась крошечная мгла, и было вдруг рукой подать до звезд. «Я ночь, я нежность, удел твой быть в звездное небо влюбленным», – пела мне моя Сафо. И правда, она страшно любила напускать мрак, будучи частью той самой силы. Обыкновенно мы обедали при свечах, и я быстро привык к колдовской игре теней на стенах маленькой кухни, на постоянно опущенных тяжелых шторах, на гранях хрустальных бокалов, которые хозяйка любила покусывать в страсти, на чашах китайского фарфора, в которых всегда что-то булькало, даже когда они громоздились грязной горкой под столом.

Наверное, ожидание, знание чуда превращает его просто в приятную вещь, лишенную волшебной неожиданности. Я привык с некоторой даже снисходительностью входить в нашу темную квартиру, зная, что Сафа ждет меня и прячется где-нибудь в немыслимом месте, например, на елке среди игрушек и украшений. Из ручья, где купалась нимфа, я варварски волочил ее к своему шатру, привязав веревкой к луке седла, и лишь там, расстелив ее поудобнее, пировал, чавкая как можно громче, а затем как бы с леню и деланным пресыщением я предавался любви. Азиатским обхождением я старался прельщать и все больше привязывать ее к себе. Сафа же становилась все веселее и игривее, и игривость Сафы доходила до того, что, провожая меня на работу, она махала мне с балкона не рукой, а ногой, обнаженной в любое время года. «Я слишком тебя люблю, мой всадник, – говорила жена, – чтобы остаться с тобой, и, когда кончится лето, я провожу тебя до твоей дороги, пахнувшей дождем и полынью, и ты будешь навсегда моим, только когда уйдешь совсем». Я отмалчивался, полагая, что это говорится из высших чувств. Слишком холодно и бездушно мне было без жены, слишком ненужно куда-то уходить.

Впрочем, от судьбы не уйдешь. Странно только одно: чтобы отвратить человека от большой беды, судьба непременно выбирает какую-нибудь мелочь, пустяк, кротовую нору, вырастающую до размеров горы.

Однажды, вернувшись с работы, я не застал Сафу дома и, прождав изрядно, решил поужинать один. В духовке я обнаружил трех еще не остывших жареных цыплят. Я съел одного цыпленка и уже обсасывал косточки, как вдруг она вошла с приятным на вид молодым человеком. Вглядевшись, я узнал знакомого мне по фотографиям Сержа. Увидев меня за столом, Сафа закричала нечеловеческим голосом, как будто я что-то разбил: «Ты все испортил, а ведь

после ужина я собиралась обсудить кое-какие правовые вопросы с Сержем, а тебе бы только дорваться до курицы!» «Я уже сыт, а для вас осталось как раз два цыпленка, – сказал я, как чукча, – а если вам нужен третий, я его вам найду». И я пошел искать. Конечно, тогда трудно найти не то что цыпленка, а даже дохлую курицу, и с моей стороны это была опять же игра. Мне было обидно: почему все-таки Серж, разве я не способен дать правовой совет для человека не от мира сего и гожусь только для любви в варварском шатре и, если речь действительно идет о правах, то жареные цыплята здесь ни при чем.

Вернувшись домой, я застал правоведа в своей постели. «Мы долго тебя ждали и, не дождавшись, легли, – сказала жена, встречая меня в пеньюаре, – Сержу трудно ночью добраться домой, ведь он живет далеко, и поэтому он будет спать с нами». Серж приветственно помахал мне рукой, как бы приглашая, но не слишком навязываясь, и тихонько ржал. «Это гадко, это даже невозможно», – пробормотал я и осел на пол. Пока же я собирался с мыслями, Софа ласково шепнула мне в ухо: «Пойми, ведь я его так третировала и даже превратила в осла, когда он был моим мужем, что сейчас мне хочется унизиться перед ним, показать, что я много гаже, подлее, чем это бедное животное, к которому ведь нельзя же серьезно ревновать, правда?» «А как же я?!» – возопил я. «Ты умный, ты сильный, ты поймешь», – ответила она. И я старался это осилить, лежа на бетонном полу балкона, куда через некоторое время просочилась через запертую дверь Софа и легла подле меня. «Я люблю тебя, мой Гайавата, – сказала она, – не слушай меня никогда, а просто клади под себя и не отпускай никуда».

Через некоторое время у нас собрались гости, бывшие мужья Софы и ее нынешние почитатели, а также некоторые дамы, приходящие обычно без приглашения. Мужья, которые вначале чинились, после фуршета, расслабились и наперебой ухаживали за Софой, милостивой и благосклонной ко всем. Назло ей я ухаживал за своей соседкой справа и, как-то так получилось, ухаживая, я скушал нечаянно ее порцию жареной курицы. Забившись в истерике, соседка закричала, что сожалеет только о том, что курица не досталась более честному человеку, чем я. Я ничего не понял, кроме того, что совершил какой-то преконфузный промах.

Гости разошлись раньше обычного, и мы молча легли спать. Около полуночи я проснулся от жажды. Софы рядом не было. Что-то неуловимое изменилось, только я не мог сразу понять, что. Страшная тяжесть сдавила мне грудь: я вспомнил сон, который видел только что. Я сидел в каком-то тропическом

саду, рядом с Софой, которая улыбалась мне и нежно протягивала чашу с фруктами. Я взял яблоко, и вдруг оно превратилось в курицу, которая захлопала крыльями и вспорхнула мне на грудь. «Нет», – сказал я. «Да, – сказала Софа, – я так и знала, что ты выберешь курицу, ведь ты не любишь меня». «Боже мой, Софа, – сказал я, ты сама отчасти курица, если не понимаешь, что́ для меня значишь».

С тех пор, как я проснулся я не видел более моей жены. Я не хожу на работу и только и делаю, что брожу по квартире, из которой вывелся весь волшебный дух. Все изменилось, молчит вентилятор даже в самые ветреные дни, беззвучно работает старик-холодильник, под кухонным столом рассыпались в прах чудесные китайские чаши, засохли цветы, несмотря на все мои старания. Исчезли все звуки, и все же душа моей жены еще здесь: по-прежнему дышат ее любовью записки, которыми исколоты все обои; в зеркале, испачканном помадой, можно еще прочитать по-английски «Мой дорогой олень»; и, когда я прохожу мимо него, мне чудится убегающий профиль женщины, и постель еще хранит тепло ее тела, и, просыпаясь в слезах, я знаю: она была здесь и любила меня всю ночь.

Задуй, ветер, закрути вентилятор и верни мне мою звездную ночь.

© С.Г. Шафиков, 2008